Одержимость мажора

Автор:
Мила Реброва

Одержимость мажора

Мила Александровна Реброва

Мне пришлось пойти на сделку с мажором, которого я всегда избегала, ведь взамен он обещал оплатить лечение моего брата. Но, соглашаясь на его условия, я даже не представляла, что лишусь не только своей чести, но и сердца, которое безжалостный мажор решит растоптать новостью о своей скорой женитьбе…

Содержит нецензурную брань.

Мила Реброва

Одержимость мажора

Глава 1

Ника

– Тебя не учили здороваться? – заставляя меня поднять взгляд от бутылки энергетика и жвачки, спрашивает уже знакомый мне голос.

– Добрый вечер, пакетик будете брать? – безразличным тоном спрашиваю я. На злость не осталось сил, двенадцатичасовая смена, которая никак не закончится, дает о себе знать, и всё, о чем я могу мечтать, так это о своей теплой постели.

Когда другие студенты наслаждаются субботним вечером, я вкалываю как проклятая в надежде скопить лишние пару тысяч полной сменой в магазине. Ведь с тех пор, как поступила в университет благодаря подруге, могла работать только по пять часов в сутки, что не особо помогало в нашем с мамой плачевном положении.

– Нет, спасибо. А вот получить извинения был бы не прочь, – говорит Халид холодным тоном, который всегда действовал на меня магнетически. Я не могла понять, что у этого парня на уме. Он еще со школы имел странную привычку «следить» за мной. Наблюдая и сканируя взглядом своих бесчувственных глаз. Их черная бездна проникала в самую душу, пугая и заставляя каждый раз отводить свой взгляд и бежать без оглядки.

– С вас двести пятьдесят три рубля, оплачивать будете картой или наличными? – как робот говорю я заученные слова, стараясь не смотреть на него.

– Картой, – хмыкает гад, раздражая меня. Мало мне было проблем и без него. – Извинений я, так понимаю, не дождусь?

– И за что же мне извиняться? – устало вздыхаю я, обрывая его чек и жалея, что в этот час покупателей в магазине практически нет. Гад может стоять надо мной сколько угодно, и его не прогонишь, используя в качестве оправдания очередь у кассы.

– Может, начать с испорченной рубашки? – тут же открывая энергетик и отпивая его, спрашивает он.

– А не надо было тащить меня в мужской туалет! Я случайно пролила на тебя напиток! – вырывается из меня капелька возмущения, на которую еще остались силы.

– Извинись ты после этого, может, и не тащил бы, – отвечает этот непробиваемый мажор.

– Может? – открываю я в возмущении рот. – Чего вообще ко мне пристал?! И как ты вообще оказался в этом районе? – недоумеваю я, только сообразив, что делать тут ему явно нечего. Для богатенького мажора вход в наш район для бедных закрыт. Тут нет ни клубов, ни других развлечений. Он ведь не следил за

мной? Да ну, бред. У него таких, как я, пачками, только и успевай выбирать и затаскивать в постель.

– Пришел за извинениями. Не думала же ты, что я спущу тебе всё с рук? – удивляет он меня.

– Могу оплатить химчистку, – язвлю я, молясь, чтобы хотя бы один посетитель зашел в магазин.

– Боюсь, у тебя не хватит на нее денег. Сколько ты зарабатываешь за смену? Две тысячи? Три? – спрашивает он лениво, пока я с трудом сдерживаю нервный смех. Не хочется рушить его иллюзии касаемо своего заработка, поэтому молчу о тех жалких ста сорока рублях в час, что получаю в этом захудалом магазине, куда меня взяли, так как желающие работать за такие крохи в очереди не стояли.

– Неужели тебе так дорога твоя рубашка, что из-за нее ты потратил время и приехал сюда? – в самом деле недоумеваю я, чувствуя неприятное сосущее чувство под ложечкой. Очень уж мне не нравится такое приватное внимание мажора.

– Дело не в вещи, – назидательно поправляет он меня, выглядя при этом чертовым занудой, – дело в принципе. Если ты считаешь нормальным испортить чужое имущество, не извиниться, да еще и беситься, что тебя просят о банальной вежливости, стоит заняться твоим воспитанием.

– Кому? Тебе? – пытаюсь понять, чего он хочет, даже подаюсь чуть вперед, чтобы лучше его рассмотреть. Между нами касса, что меня весьма радует. Не хотелось бы оказаться близко к этому странному парню с непонятными намерениями.

– Почему бы и нет? – жмет он небрежно плечами, не вынимая руки из карманов крутых брендовых джинсов, низко сидящих на талии. – Раз больше некому.

– Прости, конечно, но я откажусь.

Ежусь под его взглядом-лазером, но тщательно это скрываю, держусь непринужденно, чтобы его не нервировать. После моего ответа он молчит, изучает меня так долго, что от этого становится неловко.

– Кто сказал, что я спрашиваю? – хмыкает, дергая уголком рта. – Я не для того приехал, чтобы уламывать тебя. Ты просто компенсируешь мне испорченную рубашку, и точка.

Тяжело вздыхаю до болезненного ощущения в легких. Задержав дыхание, со свистом выпускаю его наружу. Этот парень не на шутку меня напрягает. Мадина предупреждала меня не связываться с ему подобными мажорами, и теперь я вижу, что подруга была права. Держись, Ника, только не показывай свой характер, постарайся отделаться от него. Семья важнее всего, думай о них.

– Хо-ро-шо! – рапортую я, видя, как от моего тона он раздувает ноздри. Миролюбиво улыбаюсь: – И? Я жду…

– Во-первых, смени тон, – осекает он меня, глядя колючим взглядом.

Ну, началось, первое, второе, третье… Закатываю глаза, что становится ошибкой.

Касса больше не является для него преградой, поскольку мажор обходит ее и становится возле моего крутящегося стула, напирая своим внушительным ростом. Меня обдает запахом парфюмерного магазина, дорогого, элитного, я точно пропитаюсь этим ароматом свежести, который забивается в ноздри и одуряет.

– Сюда нельзя! – изо рта вырывается самый настоящий истерический вопль. Вскакиваю. Где все люди? Почему я одна? Где мой перцовый баллончик? Тянусь к сумке, но Мирзоев резко делает выпад рукой и не дает мне взять ее.

– Можно, – сам себе дает право быть в зоне, куда покупателям нет хода. – Мне всё можно.

– Говорю же, нельзя! Меня уволят! – предупреждаю, озираясь по сторонам в страхе. Если выйдет администратор зала, решит, что я любезничаю с покупателем прямо в зоне кассы. – Это не в твоих интересах! Как я тебе компенсирую тогда стоимость рубашки?

– Так-то лучше, ты уже готова купить мне ее, – едко замечает Мирзоев, даже не дернувшийся с места несмотря на мои дерганья и попытки что-то сделать, чтобы изменить ситуацию. – Но этого мало, сперва я хочу извинений.

– Ты больной! – не сдерживаюсь я от испуга. – Кто приезжает ради извинения в другую часть города?!

– Попридержи язык, – угрожающе надвигается он на меня, обжигая чернотой своего взгляда, – а то мне придется укоротить его.

– Ладно, извини! – чуть ли не кричу я, нервно заламывая руки. Господи, что за наказание?

– Неискренне, – замечает он мрачно, складывая руки на груди и опираясь бедром на стойку кассы. Как бы говорит, что не уберется отсюда, пока не добьется своего. – Попробуй еще раз.

– Раз, два, три, четыре…

– Что ты там бормочешь?

Дергаюсь, поняв, что считала вслух. Пыталась успокоиться, чтобы не заорать. Он псих. А я не умею обращаться с психами. Мне ни за что не сдержать свой язвительный тон и не извиниться перед ним от чистого сердца, чего он так сильно хочет.

– Я…

– Девушка, вы работаете или свидание устраиваете? – прерывает меня неодобрительный старческий голос. Да благослови не сидящих по ночам дома старушек!

– Работаю-работаю! – толкаю я в грудь наглого мажора, не скрывая радости от того, что спасена.

– Сегодня спасена, но не думай, что на этом всё, – словно читая мои мысли, произносит он, прежде чем развернуться и уйти.

Глава 2

Ника

– Да брось ты, будет весело! – пытается уговорить меня подруга поехать в поход, устраиваемый нашим университетом.

– Дело только в веселье? – уточняю я, предчувствуя неладное. Мы с Мадиной сидим в университетской столовой, и я явственно ощущаю прожигающий спину взгляд, но никак не реагирую, уже привыкнув, что псих Мирзоев и его зоркий взгляд всегда со мной.

– Ратмир поставил условие, – вздыхает подруга. – Это очередная его прихоть, и если я не поеду…

– Он покажет твоему отцу видео и бла-бла-бла, – прерываю я ее, злясь на этих самовлюбленных баловней судьбы. Богатым мальчикам просто нечем заняться, кроме как издеваться над беззащитными девушками!

– Типа того, – вздыхает Мадина. – Знаю, что глупо каждый раз поддаваться его шантажу, но страх того, что он всё расскажет папе, сильнее меня.

В какой-то мере я понимала подругу, которую взял на крючок Ратмир Хамзатов, сын депутата, которого сослали в лагерь для трудных подростков из-за того, что Мадина закрыла его в подсобке, и он не смог выступить на танцевальном конкурсе. То было в выпускном классе, и вот теперь, поступив в один с Мадиной университет, мажор решил отомстить ей, используя снятое им компрометирующее ее видео. (Книга про Ратмира и Мадину – «Во власти мажора»)

– Может, у нас получится выкрасть его телефон и удалить запись? – размышляю я вслух.

– Я уже пыталась, он только высмеял меня и заявил, что не так глуп, чтобы не сохранить его в облаке, а доступа к облаку мы точно не получим, – вздыхает она, а я думаю о том, что Мирзоев точно поедет с другом, и мне придется два дня терпеть его присутствие, но что ни сделаешь ради подруги. К тому же я не такая, как Мадина, терпеть наглость Халида точно не стану, пусть только попробует сделать что-то большее, чем просто смотреть.

***

– Ника, будь осторожна, – в который раз наставляет меня мама перед поездкой. Она вечно беспокоится, слишком переживая и опекая.

– Да что со мной будет, мам? – обнимаю я ее, а потом подхожу к брату, который уже проснулся, и целую его в макушку. – Будь хорошим мальчиком, Сашуль, и я привезу тебе шоколадку, договорились?

Брат лишь растягивает уголки губ в улыбке, как обычно, не настроенный на утренние разговоры. Его скрюченное в инвалидной коляске тело, как всегда, вызывает у меня поток жалости, но я не показываю этого. Саша слишком остро реагирует на любой признак того, что его жалеют. В свои десять лет брат мудрее многих взрослых, давно перестав быть обычным ребенком.

Попрощавшись с мамой, я иду к остановке, где меня встречает подруга, которая везде ездит со своим водителем, он и доставляет нас к универу, где уже ждет автобус, заполненный шумными студентами. Хамзатова, как и Мирзоева, нет, но наше облегчение не длится долго, так как парни, решив выпендриться, едут на своем автомобиле, решив пренебречь предоставленным нам транспортом.

– Думаешь, он сделает что-то недозволенное? – спрашиваю я Мадину, которая то и дело нервно смотрит в окно. – Вам разве не запрещено так вести себя с девушками?

– Ратмир уверен, что я не чиста, – краснея, говорит подруга. – Что мы с Андреем…

– Но вам же нельзя до свадьбы! – недоумеваю я, прекрасно зная про их «законы», мусульманским девушкам даже за руки держаться с парнем нельзя, не говоря уже обо всем остальном.

– Он настолько испорчен, что думает, остальные такие же, как он! – возмущается Мадина. – Я…

Она внезапно замолкает, когда автобус, издав рычащий звук, глохнет.

– Это еще что такое? – хмурюсь я, недоумевая.

– Кажется, автобус сломался, – пожимает плечами Мадина, и, проследив за ее взглядом, я замечаю, как спортивная машина Ратмира останавливается рядом с нами. Спустя десять минут стало ясно, что автобус дальше не поедет, и мы, выйдя наружу, начали составлять план, как добраться до нужного нам места. Расстроенные студенты пошли на остановку, чтобы пересесть на другой автобус. И мы тоже собрались последовать за ними, но, к моему ужасу, Климентьев, который и отвечал за весь наш поход, согласился на «неожиданное» предложение Ратмира подвезти нас на своей машине.

Делать было нечего, и нам с такой же растерянной от подобной перспективы Мадиной пришлось сесть в машину. Хорошо хоть преподаватель поехал с нами, и эти наглые мажоры не смогли завести разговор. Правда, от неодобрительных взглядов Халида, когда я села посередине, чтобы Мадина смогла избежать контакта с посторонним мужчиной, меня это не спасло.

***

Когда, добравшись до лагеря, мы стали потихоньку размещаться, Климентьев начал показывать нам правильную установку палаток, с которой мы не справились, вследствие чего у Мадины с Ратмиром завязался спор, после которого парни помогли нам установить палатку, и если Ратмир то и дело вставлял язвительные комментарии, то Халид просто молчал, чем пугал намного больше болтливого Ратмира.

– Эй, ты чего? – тронула меня за локоть Мадина, заметив мое оцепенение.

– Ничего, просто задумалась. Давай перекусим? Я ужасно проголодалась, – скользнула я в палатку, лишь бы избежать этого обжигающе-пугающего взгляда. Кажется, эти два дня растянутся для меня надолго.

***

Наутро мы после принудительной зарядки и завтрака отправляемся на прогулку по окрестностям. Здесь красиво, сосновый бор, свежий воздух, дышится легко и свободно. После переклички двигаемся в сторону каких-то пещер.

Держаться всем вместе, не терять никого из виду… Бла-бла-бла…

В моей руке уже зажат телефон, на который я собираюсь сделать много-много классных кадров, чтобы отправить брату. Он очень просил посылать ему виды природы. За брата всегда щемит сердце, ведь он сам не может поехать в поход и ограничен в передвижениях в целом. Мама тоже привязана к нему.

– Ник, ты идешь? – зовет меня Мадина, вырывая из грустных мыслей, и я, тряхнув головой, спешу ее догнать.

– Как меня достали эти мажоры, – ворчит она, косясь на парней, что идут на небольшом отдалении от всех. Я стараюсь о них не думать, какое мне дело до богатых мира сего? Где они и где я? Мадина, конечно, старается не показывать, но ей страшно от взглядов Ратмира Хамзатова.

– Я отойду на минутку! – говорю Мадине, заметив, что ветка сосны очень красиво вытягивается вперед, перегораживая собой солнце, его сияние окружает светом длинные иголки, создавая свечение. Представляю, какой крутой получится кадр! Брату точно понравится. А может, пошлю на конкурс, вдруг даже денег выиграю… Ника, Ника, хватит мечтать.

Чтобы делать крутые кадры, нужен профессиональный фотоаппарат, а у меня нет на него денег. Приходится довольствоваться камерой простенького смартфона.

Мадина даже не замечает, что я отошла, вся в мыслях о своем мажоре! Мне кажется, что она даже влюблена, постоянно думает и говорит о Ратмире, хоть и прикрывает свои слова злобой и обидой, я же вообще не понимаю этих влюбленных. Зачем тратить время на какую-то чушь и мириться с кошмарным характером заносчивого парня?

В жизни есть занятия получше.

Тем более мне некогда думать о парнях. Надо учиться, получить профессию, найти работу и твердо встать на ноги, чтобы помогать семье. Мы не можем вечно жить в грязной коммуналке, куда пришлось переехать после продажи квартиры, ведь брату нужны были деньги на лечение…

– Что ты делаешь? – окликает меня кто-то сзади, и я, задумавшаяся и увлеченная фотографиями, от испуга роняю телефон.

– Черт! – кидаюсь его спасать, но он прыгает, как лягушка, скача по каменистой почве и исчезая из поля зрения.

– Эй, ты куда? – злобно спрашивает Мирзоев, устремляясь за мной вниз по небольшому обрыву.

– Непонятно, что ли? – огрызаюсь. – Из-за тебя я уронила телефон! Не дай бог, он разбился!

– Дай, я сам, – отпихивает он меня с края, смотря вниз. – Он провалился между камнями, – сообщает мрачно, вставая и отряхивая руки.

– И? – приподнимаю бровь. – Ты собираешься его доставать?

– Я? С чего бы?

– Ты отвлек меня, и я его уронила. Что непонятного?! – объясняю как дебилу.

Раздувая ноздри от злости, мажор наклоняется ко мне.

– Чего переполошилась, малахольная? Это всего лишь телефон, а не ключи от машины.

От негодования я просто не в состоянии сказать и слова, молчу как рыба.

Но это ненадолго, за словом в карман я лезть не собираюсь.

– Конечно! Для тебя это всего лишь телефон, но необязательно демонстрировать свое богатство перед другими!

– И где я его демонстрирую? – кривит лицо в непонимании.

– Это поход, если тебе не сообщили, кто ходит в поход в белых кроссовках и крутых шмотках от модных домов? – дергаю его за толстовку серого цвета, но не ожидаю, что он поймает мою руку. Чернющий, как смола, взгляд пригвождает к месту.

– А ты что, завидуешь? Или тоже хочешь носить такие шмотки?

– Что? Придурок! Я тебе говорю про телефон. Он мне важен. Отпусти! – шиплю, дергаю руку, и он меня отпихивает, начиная спускаться по склону.

– Черт, мы уже не видим наших, – бормочу себе под нос.

– Че ты паришься? – смотрит через плечо, видя, что я спускаюсь за ним. – Мы найдем лагерь без проблем.

– Кто сказал, что я парюсь? Я просто не хочу ходить тут с тобой. Иди догоняй своего друга, а я пойду искать телефон сама. Мне не нужна твоя помощь.

Молчит. Просто сосредоточенно смотрит в дырку между камней, видимо пытаясь понять, как достать мой несчастный телефончик. Он в желтом чехле, его хорошо видно, но оказывается, что глубина немаленькая.

– Что там? – опускаюсь на корточки рядом с ним, ноги в шортах до колен соприкасаются с камнем. Неприятно.

– Там – пустота.

Решил пошутить?

– Короче, я сейчас туда залезу, достану твой телефон, – сообщает он, собираясь втиснуться между камнями под нами.

– Слушай, это, конечно, по-джентльменски, но я не хочу потом оплачивать твои испорченные шмотки.

– Будто ты оплачивала, – замечает мрачно, напоминая о случае, когда я пролила коктейль на его белоснежную рубашку, отказываясь ее отстирывать. Вместо этого я пролила на нее зеленку, чтобы чертов мажор не выпендривался и не вел себя как господин со слугой! Я такого не потерплю.

– Я сама, – игнорируя его слова, заношу ногу над дырой, но он ловит меня за талию, руки неожиданно горячие, очень крепко меня держат, и я немедленно отталкиваю наглого мажора, который решил меня полапать.

– Стой тут, – говорит он мне грозно, обдавая колким взглядом.

По телу пробегает дрожь, он всегда так странно смотрит, что хочется сбежать.

– Думаю, тут должен быть другой вход. Попробуем обойти, – кивает он в сторону, и я тут же шагаю вперед, совершенно не замечая, как скользит нога и земля словно уходит из-под ног. В панике хватаюсь за Мирзоева, чем лишаю нас обоих дальнейших шансов выбраться из грядущей передряги, ведь мы оба под мой оглушительный крик падаем вниз, в ущелье какой-то пещеры, из которой нет выхода!

Глава 3

Ника

– Черт! – рычит где-то мажор, пока я лежу на животе, боясь шевельнуться. Страшно представить, что я что-то сломала. – Эй, ты чего застыла? – раздается рядом, а потом бесцеремонные руки берут и переворачивают меня под мой громкий стон. В ноге простреливает боль, и я с ужасом жду, что она сломана. Мне просто не может повезти. – Что болит?

– Нога, – сквозь навернувшиеся слезы говорю ему, и он тут же принимается исследовать мою ногу на удивление нежными касаниями пальцев. Мирзоев

начинает с колена и доходит до щиколотки, когда я вскрикиваю, чувствуя боль.

– Всего лишь вывих, – констатирует он.

– Откуда ты знаешь? – вытираю я предательские слезы и внимательно наблюдаю за его действиями.

– Я спортсмен, так что прекрасно разбираюсь в травмах. На счет три поставлю на место, считай, – как всегда пугая меня своей хладнокровностью, говорит он.

– Поставишь… Что?! – дергаюсь я, наклоняюсь вперед и пытаюсь оттолкнуть его руки. – Не надо ничего делать!

– Раз… Два! – И раздается щелчок под мой очередной испуганный писк.

– Ты не сказал «три»! – отдышавшись, обвиняю я его.

– Ожидание хуже всего, не хотел тебя мучить, – ухмыляется гад, продолжая держать мою лодыжку.

– Не знала, что ты такой сострадательный, – язвлю я, пытаясь выдернуть ногу.

– Не дергайся! Ей нужен покой.

– Вот и оставь ее в покое! Нечего ее лапать! – возмущаюсь я, донельзя смущенная и обескураженная такой близостью этого психа. Да по одному взгляду его было видно, что ничего хорошо от него ждать не стоит!

– Какая же ты все-таки неблагодарная. Смотрю, у тебя не только с извинениями проблемы, – язвит он.

– Лучше оставь мои проблемы мне и подумай, как нам выбраться! Я что-то не вижу выхода отсюда.

– Давай только без истерик, – морщится он, начиная оглядываться по сторонам в поисках выхода. – Терпеть этого не могу.

– Кто еще истерит? И знаешь, мне неинтересно, что ты там любишь, а что – нет.

Смерив меня презрительным взглядом, который ощутимо проникает сквозь кожу, мажор игнорирует мой выпад и протягивает мне ладонь. Не хочу брать его за руку и верчу головой в отрицании.

– Я сама, как-то обойдусь.

– Как хочешь, было бы предложено, – встав и отряхнувшись, он устремляется вперед.

– Эй, погоди! Куда ты погнал?

– Ты же сказала, что сама справишься, в чем дело? – останавливается он и закатывает глаза, убрав руки в карманы джинсов.

– Думаю, тебе повредит, если уйдешь и оставишь за собой мой несчастный труп.

– Надо же, ты стала заботиться обо мне и моей репутации.

– Не дождешься, – шиплю сквозь зубы.

– Надо было просто попросить, малахольная, сказать, что ты боишься оставаться одна в темноте, – откровенно глумится он надо мной, вызывая негодование и ненависть. Какой он гадкий, смотреть противно, так и хочется дать по роже!

– Если бы не обстоятельства, я бы с радостью осталась одна! Тебе не говорили, что ты не образец вежливости и такта? – язвлю, решая задеть его побольнее.

Знаю, что ему пофиг, но всё же не могу остановиться.

– А кто мне что-то должен говорить? Думаешь, меня интересует чье-то мнение? Уж твое точно нет.

– Кто бы сомневался, – заканчиваю бесполезный разговор, шагнув вперед.

Черт, больно. Но ничего. Главное – не показывать ему, что мне тяжело идти, а то как начнет насмехаться. Видимо, это природой заложено в мерзопакостного мажора!

***

– Ни за что бы не подумал, что отсюда так сложно выбраться, – бормочет он спустя полчаса бесполезных попыток выбраться и криков в дыру в потолке. Мы пытались разными путями найти выход из пещеры, но в итоге ничего не вышло.

– Черт, – пинаю ни в чем не повинный камень, вымещая на нем свою злость.

И телефон, найденный мной, кажется, сломался, трещинами пошел. От этого слезы наворачиваются. Я не хочу плакать, точно не в присутствии заносчивого мажора, но мне так горько оттого, что совершенно глупо провалились сюда и я потеряла единственное средство связи. Я так долго копила на этот телефон, в нем столько памятного. Снимки, заметки, да даже телефонные номера. Как я всё это восстановлю?

– Что ты там бормочешь? – оборачивается ко мне Мирзоев, который пытался протиснуться сквозь ущелье в стене, хотя даже я бы туда не пролезла.

– Ничего, – огрызаюсь я, садясь и вытирая навернувшиеся слезы краем рукава толстовки. – Нашел выход? Или нам так и придется сидеть тут?

– Ты что там, плачешь? – приближается он ко мне, что совсем не радует. – Нога, что ли, болит?

– Ничего у меня не болит! Отстань, – отворачиваюсь от него, подбирая ноги, но гадкий мажор оказывается проворнее и успевает схватить меня за лодыжку. – Я же просила отстать! Хватит пытаться меня облапать! Думаешь, если я не из ваших девушек, меня можно беспрепятственно трогать?! – возмущаюсь я, прекрасно зная, что со своими эти кавказские парни совершенно другие. Благовоспитанные и вежливые.

– Значит, я тебя лапаю? – недобро спрашивает он, а я леденею от страха. – Раз ты так считаешь, надо подкрепить слова действиями, – поднимается он руками

выше по моей ноге, достигая колена. – Кто надевает шорты в лес? Или ты хотела, чтобы тебя облапали? Наши девушки, как ты их назвала, не позволяют себе выставлять свое тело напоказ, уважение еще надо заслужить, зубрила.

– Убери руки! – дрожу я, чувствуя, как его шершавые пальцы начинают интимно поглаживать кожу под моим коленом. – Я не давала тебе повода…

– Ты сама повод! – неожиданно зло рычит он, что само по себе странно, ведь Халид – пример безэмоциональности. – Признайся, специально ведь провоцируешь?

– Что за бред! Пусти меня сейчас же! – пытаюсь оттолкнуть его, поняв, как он близко, я даже чувствую, как его мятное дыхание овевает мое лицо!

– Снова вызов?

– Никакой это не вызов! Просто соблюдай дистанцию, раз уж мы вынужденно тут застряли! Не-ет! – подпрыгиваю на месте, поняв, что он совершенно меня не слушает, поднимая руку выше по моему бедру. – Не трогай…

– Я даже не начинал тебя трогать, – вернув себе хладнокровность, извещает меня он. – Смени тон и не смей больше так со мной говорить.

Вот ведь гад! Мерзкий шовинист! Мадина предупреждала меня о таком типе мужчин среди своих земляков, считающих женщин ниже них!

– Ты, наверное, что-то попутал, раз смеешь мне приказывать! – делаю ударение на слове «смеешь», четко показывая ему, что прогибаться не намерена.

Обойдется! Как же невыносимо он бесит! И как меня угораздило попасться вместе с ним в ловушку?

– Я ничего не попутал, а прекрасно вижу, что ты пытаешься со мной играть, кто-то выбирает казаться недотрогой, а ты – наоборот, ведешь себя как дикарка, чтобы привлечь мое внимание, – нагло и развязно шарит глазами по моему телу, я прямо-таки кожей чувствую его взгляд, и от него тело покрывается колючими мурашками, становится страшно, ведь мы наедине, никто меня не защитит в

случае чего, но я и сама себя смогу защитить!

Поставлю его на место.

Двигаю корпус вперед намеренно близко, даже запах его чувствую. Пахнет дорогим парфюмом, лесом, чем-то таинственно-запретным, истинно мужским. Стараюсь не думать, как это на меня действует. В приоритете другая задача.

– Значит, думаешь, я играю? И зачем же?

– Выбрала меня в качестве своего спонсора? – выгибает бровь, не двигаясь с места. – Тебе не помешают деньги.

– Интересная версия, – говорю спокойно, пытаясь держаться и не показывать, как меня задевают его слова, – долго над ней думал?

– Да вы все одинаковые, – ухмыляется с гаденькой улыбкой, – падкие на бабло. Не откажетесь поторговать собой ради красивых шмоток и айфона.

– Бедный-бедный Халид, – ерничаю я, состроив гримасу насмешки, – ни разу в жизни не встречал нормальную девчонку, которая посмотрела бы на тебя кроме как на мешок с деньгами!

– Не торопись меня жалеть, – резко хватает за локоть, вцепляясь в него жесткими пальцами, притискивает меня к себе, пронизывая взглядом, – меня устраивают товарно-денежные отношения. Что не устраивает, так это когда человек пытается стоить из себя того, кем не является.

– Изъясняйся яснее! – дергаюсь и высвобождаюсь, кипя от возмущения. – А вообще, я не понимаю, к чему ты завел этот разговор. Меня нисколько не интересует, какие отношения у тебя с девушками и что тебя в них не устраивает. Нужен психолог, найми его! Бабла у тебя точно хватает.

– А мне нравится, что ты дерзкая. Не меняйся, – заявляет он вдруг, сощурив глаза.

– Я и не думала тебе нравиться! – возмущаюсь, не веря, что он говорит мне всё это. – Ты просто больной! Сиди молча и жди помощи!

Гаденыш чертов!

– Ну вот и успокоилась, – выпрямляется он, убирая руки с моего бедра и шокируя меня вернувшейся холодностью. – Не хватало мне только истерящей девчонки в закрытом пространстве, где все выходы перекрыты.

И только тут до меня доходит, что он специально провоцировал меня! Я ведь и впрямь забыла о слезах! Но то, как он это сделал…

– Ну ты и га-а-ад… – в неверии качаю я головой. – Мне и так плохо, а тут еще и ты со своими штучками…

– Оттого, что ты впадаешь в истерику, лучше не станет. Сеть тут не ловит, так что остается только ждать. В лагере нас наверняка хватились и пошли искать. Не найдут сами, позвонят отцу, а его спецы вмиг вычислят, где мы находимся.

– Как у тебя всё просто, – вздыхаю я, не испытывая к нему особого доверия. Только что лапал меня и нес гадости, а теперь само спокойствие.

– А зачем усложнять? – жмет он плечами, садясь напротив меня и вытягивая свои длинные ноги, на которых я зачем-то залипла.

Вообще, он вызывал смешанные чувства. Я привыкла к тому, что он молчаливый наблюдатель, и даже уговорила себя, что выдумала его внимание. Но сейчас, когда он перестал просто наблюдать… Черт! Ничего я не выдумала! И что бы он там ни говорил про то, что хотел меня отвлечь, я прекрасно видела, как он реагирует на меня! Мое бедро до сих пор горело от жара его пальцев. Да и то, как сканировали меня его глаза в данный момент, говорило само за себя.

Я не была наивной дурочкой и прекрасно осознавала, как выгляжу, и в большинстве случаев моя яркая внешность, доставшаяся мне от мамы, приносила мне одни неприятности. Люди редко воспринимали меня всерьез, ведь образ кукольной девочки мало кому внушал доверие. Меня считали ветреной фитоняшкой, коей я совершенно не являлась, и даже то, что я

практически не красилась, не считая блеска для губ, так как они вечно сохли и трескались, не спасало ситуацию.

Даже мои яркие блондинистые волосы люди принимали за ненатуральные, хотя мне бы и в жизни не пришло в голову красить их в восемнадцать. В общем, все мои попытки выглядеть проще ничего не давали. Так что да – я знала, какое впечатление произвожу на окружающих. Также я знала, что найти спонсора, как изъяснился Мирзоев, с моей внешностью не проблема, только вот я никогда не паду так низко. Руки-ноги, слава богу, есть, и заработать денег для своей семьи я смогу, не продавая свою честь и достоинство.

– Чего ты насупилась? – продолжая нервировать меня своим темным взглядом, спрашивает Халид. – Хочешь есть? Или в туалет?

– Закажешь доставку из ресторана, если хочу? – язвлю я, пытаясь скрыть смущение. Что делать, если я действительно захочу писать? Тут же одно небольшое пространство! А если он захочет? Фи! Даже думать об этом не хочу!

– Чего ты задергалась? Я просто спросил, – осекает меня этот грубиян, глядя с неприязненным выражением и этим вечным превосходством, которое меня бесит.

– Задергаешься тут, – недовольно бурчу под нос, потирая лодыжку.

– Болит? – сразу обращает внимание на этот жест Халид.

– Не твое дело!

– Хватит грубить! – пугая меня, вцепляется он в мой локоть, подтягивая к себе и буравя своими чернющими глазами. – Нормально разговаривать не можешь? Неизвестно, сколько нам тут еще сидеть. Я не собираюсь терпеть твои выходки.

– Так и не терпи, – выдергиваю я руку из его крепко стиснутых пальцев, потирая уже ее. – Можешь отойти на расстояние и сидеть в другом месте, – предлагаю, в самом деле желая, чтобы он отошел. Его присутствие нервирует, давит. Лучше мне остаться одной.

– Перестань, – практически по слогам проговаривает Мирзоев, – не усложняй всё. На лучше поешь, может, чуть подобреешь, – достав из рюкзака злаковый батончик, протягивает его мне.

И я бы отказалась, фыркнула и отвернулась от предложенного лакомства, но мой желудок слишком громко дает о себе знать, выдавая меня с головой. Утробное урчание проносится по пещере.

– А ты сам? У тебя есть еще? – интересуюсь из вежливости. Не хочу оставлять его голодным, съедать последние припасы. Кто знает, насколько мы тут застряли. Да и вдруг попрекать будет, я прекрасно знаю, как ревностно он относится к своим вещам.

– У меня их несколько, еще вода, – достает он второй батончик, а также бутылку минеральной воды.

Начинаем тихо пережевывать пищу, шелестя фантиками, в тишине пещеры отчетливо слышен каждый звук. Где-то капает вода. И я понимаю, что, если захочу в туалет и пойду в укромное местечко, точно так же будет всё слышно. Засада. Нарочно не придумаешь. Может, не пить? Так я продержусь дольше.

Как назло, Мирзоев, выпив порцию воды, протягивает мне бутылку.

Так странно. Он преследовал меня своими взглядами, я всячески его избегала, дурацкие споры из-за его драгоценной рубашки, и вот мы сидим вместе на каменном полу, делим еду и питье. То, что должно объединять, наоборот, увеличивает между нами пропасть. Почему? Да потому что я отчаянно хочу избавиться от его присутствия рядом. Физически не хочу с ним находиться в одном помещении. Он странный. Непохожий на других. Обращает внимание на такие вещи, до которых другим нет дела.

Он богатый, считающий, что ему всё дозволено, живущий по собственным принципам. Прикрываю глаза и мысленно веду отсчет минутам наедине с ним.

Поскорее бы нас нашли, божечки, пусть нас поскорее вытащат отсюда.

Глава 4

Ника

– Эй! Просыпайся! – выдергивает меня из сна настойчивый голос, и я, сев рывком, оглядываюсь вокруг, не сразу понимая, в чем дело. Осознание приходит, когда вижу склоненного надо мной Мирзоева. Потом понимаю, что откуда-то доносится свет. – Кричи что есть мочи! – приказывает мне мажор, словно прочтя мои мысли.

– Это…

– Люди моего отца, – уверенно кивает он, поднимаясь и начиная звать на помощь.

– Мы здесь! – ору я в поддержку, с колотящимся сердцем, боясь, что нас пропустят. В фильмах именно так всё и происходило. Герои думают, что их нашли, а спасатели идут мимо прямо у них перед носом.

– Помогите! – перехожу на ультразвук от страха того, что всё будет именно так. Я просто не выдержу наедине с Мирзоевым еще день! – Спас-и-и-и-и-т-е-е-е-е!

– Господи, ты меня оглушишь! – возмущается Халид, но я не обращаю никакого внимания на его слова, продолжая оглушительно визжать, пусть спасатели не различат мои слова, главное, чтобы они хоть что-то услышали и вытащили нас!

Правда, когда выясняется, что мы услышаны, мы уже сталкиваемся с другой проблемой: нас не могут вытащить! Та группа, что нас ищет, оказывается неподготовленной к тому, что нужно будет вытаскивать кого-то из глубины пещеры, а разбирать камни у другого входа слишком рискованно в темноте ночи.

– Супер! – истерю я, когда всё это становится понятным. – Смотрю, люди твоего отца те еще спецы…

– Скажи спасибо, что нас вообще нашли! Нам просто нужно подождать, пока принесут трос, чего ты завелась? – сел себе спокойно в углу этот придурошный,

лакомясь сброшенным бутербродом. – Лучше иди и ешь.

– Я такое не ем, – ворочу я нос, с отвращением думая о несчастной судьбе той рыбы, которую он с таким аппетитом пожирает.

– Это какое такое?

Даже несмотря на полутьму, могу сказать, что он хмурится.

– Бутерброд с красной рыбой? Это тебе не твоя привычная килька, – вставляет унизительно.

– Я, в отличие от тебя, не ем бедных живых существ! И не важно, дорогие они или дешевые!

– О, господи! Скажи, что ты сейчас пошутила! – стонет он, перестав даже жевать. – Не можешь же ты быть из этих!

– Из каких это этих? – с подозрением спрашиваю я, приосанившись. Что он еще там придумал, чтобы оскорбить меня?

– Из тех, кто несет полную чушь о защите планеты. Ты что, и вправду вегетарианка?!

– Почему из твоих уст это звучит ругательством?! – возмущаюсь я, не понимая, в чем его проблема.

– В том, что это глупо! Не съешь ты, съест кто-нибудь другой! Кого ты защитишь? Реально думаешь, что из-за такой кучки, как вы, убитых и словленных кусков мяса станет меньше?

– Какой же ты гадкий! – морщусь я от его слов.

– Правдивый. Человеку нужно мясо.

– Неправда! Я прекрасно обхожусь без него!

– Хочешь, докажу? Если я прикажу спасателям убраться, кинув перед этим мешок исключительно с мясным набором продуктов, ты продержишься не больше пары дней…

– Это что за фильмов ужасов ты насмотрелся?! – пугаюсь я. – Не нужно мне ничего доказывать! Оставь меня и мое вегетарианство в покое, псих! – вскакиваю я с места. Этот придурок ведь действительно может так поступить! Кто знает, что у этих богатеньких мальчиков на уме?

– Как знаешь, – вмиг успокоившись и потеряв запал, возвращается он к еде. – Ты многое теряешь, вбив себе в голову эту чушь.

– Вот и радуйся, что тебе больше досталось, – отворачиваюсь я, начиная ходить по пещере. Терпение на исходе, а писать с каждой минутой хочется всё нестерпимее.

– Так ты только разгонишь лимфу и сильнее захочешь, – гаденько так ухмыляется сытый гад, поняв мою проблему.

– Ты можешь помолчать?

– На твоем месте я бы просто пописал, поверь мне, мои нежные чувства не будут ранены столь обыденным делом.

– Оно не такое и обыденное – в твоем присутствии! – поясняю четко, если этот дегенерат не понял сути моей проблемы.

Хождение по кругу мало помогает, и я уже просто не могу сдерживать естественные потребности организма. Сил нет терпеть.

– Не придавай этому такого значения, – фыркает мажор, вставая и отряхиваясь. – Так уж и быть, подам тебе пример, Губастая.

Он медленно и вальяжно проходит мимо меня, обдавая высокомерным взглядом, от него по-прежнему пахнет этим умопомрачительным ароматом богатства, несмотря на то, что мы уже провели тут долго времени. Любой другой бы уже давно стал потным и вонял на три километра, но у богатенького мажора из пор

сочится «Гуччи», или какими там баснословно дорогими духами он душится.

Стоп! Как он меня назвал? Непроизвольно закусываю губу, краснея до кончиков ушей. Он что, заметил мои пухлые губы? Конечно заметил, раз олицетворяет меня с ними! Фу, что еще ожидать от мерзкого мажора?

Отворачиваюсь, потому что он, отойдя на небольшое расстояние, поворачивается ко мне спиной и просто начинает справлять нужду. Я всё слышу, ведь здесь господствует эхо. Это пещера, вообще-то. Щеки пунцовеют. Что же мне делать?

Хочу силой воли позабыть о своей проблеме, делаю всё возможное, стараюсь отвлечься, но она неумолимо напоминает о себе, да так сильно, что я готова позабыть о стыде и справить свои дела прямо тут.

– Вот и всё, – выходит он из-за моего плеча, посмеиваясь, – иди теперь ты. Пощажу твою скромность и отвернусь.

У меня просто не остается выбора, приходится прямо в присутствии этого гадкого мажора пойти в уголок и стащить штаны. Блаженство, которое я испытываю, не сравнить ни с чем. Портит всё только собственное воображение. Так и кажется, что Мирзоев тихо хихикает над моими мучениями.

– Стоило устраивать такой кипиш из-за ерунды? – встречает он меня едким вопросом. – Ты зря волнуешься. Вернее, не о том.

– Поясни, – передергиваю плечами, садясь на колени на каменный пол.

– После того как мы тут провели целую ночь, никто не подумает о том, как ты тут ела, умывалась или ходила в туалет, скорее, скажут, что мы с тобой переспали.

– Что?! – у меня чуть ли не волосы на голове шевелятся. – О чем ты?

– Готовься к сплетням. Скажут, что мы только этим тут и занимались.

– Если ты хотел меня так успокоить, то заметь – не получилось!

– Я? Успокаивать тебя? – заносчиво вздергивает подбородок. – Просто хочу, чтобы для тебя это не стало неожиданностью.

– А ты так гордишься этим, да? Что получишь еще одну девчонку в коллекцию?

– Не совсем, – странно смотрит на меня, пугая своим пронизывающим взглядом, – обычно я завожу отношения, мне не нравятся одноразовые связи. Это просто трата времени. Плюс я не могу знать, с кем до меня была эта девка, – морщится он, показывая высшую степень брезгливости.

Ну да. Это очень похоже на него. Тщательно выбирать девчонок для постели.

В отличие от его друга Ратмира, который тащит в койку всё, что обладает двумя стройными ногами и мало-мальски симпатичным личиком, Халид совсем другой. Я это подозревала, но как же мне не нравится, что мы с ним говорим про его подход к выбору девушек. Как мы вообще добрались до этой темы?! Мне не улыбается обсуждать его пассий и как он их для себя выбирает.

– Может, для тебя и проблема, что скажут люди, но меня это не волнует, – жму плечами, чтобы показать свое равнодушие, – я-то буду знать правду. Этого мне достаточно.

– Даже если родители узнают, это не будет проблемой?

– У меня только мама, и у нее нет времени думать о том, как я провожу свой досуг.

– Почему? – давит, выспрашивая, но кто он такой, чтобы я доверяла ему семейные секреты?

– Я разве тебя о твоей семье спрашиваю? Давай останемся просто незнакомцами, которым не повезло провести вместе одну ночь в пещере. Нам не надо обмениваться телефонами и поздравлять друг друга с праздниками. Мы друг другу никто.

***

Когда нас вытаскивают по очереди из пещеры, я испытываю такое облегчение, что чуть не падаю в обморок. Тело ослабевает, и я наконец даю волю слезам. Сижу и плачу как последняя слабачка, пока возятся с Мирзоевым.

– Чего это ты сырость развела? – подходит ко мне Халид, но разве ему понять мой страх? Мы ведь могли просто умереть там от обезвоживания!

Нас могли не спасти, и тогда мама с Сашкой… Даже думать об этом не хочется! Мама ни за что не справится сама! После того как отец нас бросил, я была ее единственной опорой.

– Черт! – раздается сверху, а потом меня бесцеремонно подхватывают на руки, несмотря на мой возмущенный писк. – Только истерики мне и не хватало.

– Халид Исламович, может, я… – один из «спасателей» резко замолкает, стоит только Мирзоеву бросить на него взгляд.

– Иди вперед и показывай дорогу, – не обращая внимания на мои попытки вырваться, приказывает он, идя бодрым шагом со мной на руках. – Так бы и сказала, что хочешь на руки, незачем было устраивать потоп, – к моему удивлению, шутит он, пока я как последняя дурочка продолжаю рыдать.

Мы почти доходим до лагеря, когда я наконец успокаиваюсь и требую его отпустить меня. Чувствую себя ужасно неловко из-за того, что расклеилась, но, к счастью, Мирзоев никак не комментирует мой срыв, молча опуская на землю. Правда, отстраняется не сразу. Смотрит на меня как-то странно, продолжая держать за талию и сканируя взглядом.

– Что? – вырывается невольно, тем самым приводя его в чувство.

– Ничего, идем, – отстраняется он, махнув в сторону виднеющихся огней.

Дальше мы идем молча, доходя до лагеря, где нас тут же окружают взволнованные ребята и Климентьев. На вопросы отвечает в основном Мирзоев, а я, увидев подругу, спешу ей навстречу, обнимая и успокаивая. Мадина ужасно взволнована и без конца повторяет, как она рада тому, что я отыскалась.

– Я чуть с ума не сошла! – не отпускает она меня, прижимая к себе. Потом к нам спешит Рида, которая также обнимает меня и успокаивается, видя, что я в порядке.

– Простите, девочки, я сама напугалась, – улыбаюсь я, радуясь тому, что у меня такие хорошие подруги.

– Что случилось, Ника? – с беспокойством на лице наседает на меня Мадина, отводя к костру, где в черных котелках готовят еду и кипятят воду для чая. – Мне так стыдно, что потеряла тебя! Я заметила почти сразу, что ты пропала, все бросились тебя искать, только потом стало ясно, что вместе с тобой пропал и Мирзоев.

Усаживаемся на длинное, отполированное частым на нем сидением бревно, подруга ни на минуту не выпускает мои пальцы из своих.

– Я хотела сделать хороший кадр для брата, – объясняю я, рассказывая, как мы вместе с Халидом провалились в пещеру, искали выход и в итоге заночевали там.

Девчонки охают, делая большие глаза, Рида подносит мне чай в жестяной чашке, я беру кружку и вдруг замечаю, что стала объектом пристального интереса. Все на меня смотрят без стеснения, стараются прислушиваться к тому, что я говорю. Всем любопытно, что случилось. Тоже мне, нашли приключение века!

– Хорошо, что всё позади! – выдыхает Рида, обнимая меня с одной стороны, с другой замыкает объятие Мадина. Мы просто тихо сидим, но я прямо-таки кожей чувствую взгляд. Пристальный взгляд, который буравит мою спину. Не сомневаюсь, кому он принадлежит. Но должна проверить. Осторожно поворачиваю голову назад.

Халид! Стоит вместе с командой спасателей, своим другом Ратмиром и руководителем нашего турпохода. На Климентьеве лица нет. Возможно, его уволят за то, что потерял студентов и своими силами не смог их найти, пришлось вызывать спасателей. Такое не скроешь, тем более вряд ли кто-то будет молчать…

Слухи… Вообще, я мало значения придаю тому, что обо мне говорят.

Но сейчас взгляды неприятно колют, слышу шепотки со всех сторон, мое имя, произнесенное вместе с именем Халида, нас связывают воедино из-за одной-единственной ночи, которую мы были вынуждены провести вместе.

Не понимаю, в чем беда! Мы не в девятнадцатом веке, он не покусился на мою честь, из-за чего его бы принудили на мне жениться. Так чего пялятся?

– Пойдем в палатку, – зовет Мадина, взяв с собой кружку с еще не остывшим чаем и миску с кашей. – Там тебе будет спокойнее есть.

– Какие дуры, – злится Рида, топающая за нами.

– О чем они говорят? – спрашиваю, стараясь не показывать интереса.

Мы заходим в палатку и устраиваемся поудобнее.

– Ой, не заморачивайся, – машет на меня рукой Рида, – они просто бредят. Типа Мирзоев поставил на тебе свое клеймо. Это Ратмир каждый день выбирает новую девку, а его друг предпочитает долгие отношения. Если какая-то девчонка оказалась в зоне его интереса, это надолго. Ну, так они говорят. Я сама не в курсе, – оправдывается подруга, смутившись.

– Да господи боже! Мы просто попали вместе в передрягу. Завтра даже и не посмотрим друг на друга! Придумают же, – закатываю глаза, – клеймо он поставил.

– Не обращай внимания. Просто они мечтают оказаться на твоем месте, вот и болтают, – сжимает мою руку Рида, пока я думаю о том, что только полная дурочка захочет застрять наедине с этим надутым мажором.

Глава 5

Ника

– Мама, успокойся и объясни, в чем дело? – спустя несколько дней после похода выпытываю я у тихонько плачущей в уголке мамы. Я только вернулась со смены в магазине, когда застала ее в таком состоянии.

– Ничего не случилось, в том-то и беда! Мы никогда не выберемся из этой дыры, Ника! Ты восемнадцатилетняя девушка, которая должна по вечерам гулять с друзьями, а не впахивать, пытаясь обеспечить нас! – всхлипывает она.

– Не говори глупости, мам! – обнимаю я ее за плечи, пытаясь приободрить. – Вот вылечим Сашку, и как заживем! Нам ведь главное – дождаться, пока я выучусь, а там работа и совершенно другие перспективы. Я ведь у тебя умная, – мечтаю я.

– У нас нет столько времени, Ника…

– Хватит думать о плохом! Мы что-нибудь придумаем! Благотворительный фонд ведь обещал оказать помощь, – напоминаю ей. – Ты просто устала, выбилась из сил, вот и расклеилась. Не думай о плохом. Мы вылечим Сашку и переедем из этой дыры, я тебе обещаю…

Маме наобещала, а сама всю ночь кручусь в кровати. На лечение брата нужно столько, сколько я в жизни не смогу заработать, работая на кассе в жалком магазине. Да и на те крохи, что мама зарабатывает, сдавая в тот же магазин выпечку собственного приготовления, тоже.

Я столько раз задавалась вопросом: почему именно мы? Почему именно моему брату не повезло родиться с таким диагнозом? И почему бог не дал нам возможности, чтобы исправить этот дефект позвоночника?

Все эти вопросы без ответов в очередной раз просто сводили меня с ума, пока под утро я не забылась беспокойным сном, чтобы проснуться и осознать, что я безбожно опоздала на первую пару.

***

– Опаздываешь? Я думал, зубрилам не положено.

Как назло, замечаю Мирзоева, сидящего на подоконнике прямо около нашей аудитории.

– Сам-то ты что тут делаешь? – ворчу в ответ, пребывая в отвратительном настроении. Мало того, что совершенно не выспалась, так еще и опоздала.

– Тебя жду. Держи, – протягивает мне новенький телефон, на который я безмолвно пялюсь, не понимая, зачем он мне его сует.

– Что это? – хмурюсь от своего предположения. Неужто мажор купил мне новый телефон взамен разбитого?

– Телефон, что же еще? Держи и не ной больше.

– Когда это я ныла?! – возмущаюсь я.

– А кто сопли развел в пещере? – приподнимает он бровь. – Будешь брать или как?

– Или, – бычусь я, заметив модель. Я прекрасно знала цену этому яблочному чуду техники. Мой стоил в десять раз дешевле.

– Что не так? Уж извини, желтенький чехол купишь сама, – язвит гаденыш.

– Он слишком дорогой. Мой телефон, конечно, разбил ты, и вполне справедливо, что купил новый. Но этот не соответствует цене, – объясняю я свое нежелание брать его презент.

– Думаешь, я бы купил дешевку? – явно оскорбляется он. – Перестань выкаблучиваться и бери, что дают!

– Не возьму! Сказала же, что он слишком дорогой! – стою я на своем, злясь на этого упрямого богача. Для него покупка телефона всё равно что купить семечки для меня.

Мирзоев легко спрыгивает с подоконника и подходит ко мне, его взгляд впивается в меня, отчего я столбенею, дыхание от волнения перехватывает, а

горло забивается плотным комком, не дающим дышать.

Вообще, я не робкого десятка. И нет никаких причин бояться Халида, тем более в стенах университета, на виду у студентов, которые уже высыпали из аудиторий после окончания пары, он ничего мне не сделает, но я всё равно не могу избавиться от ощущения, что от него исходит опасность.

Интуиция меня не обманула. И я четко понимаю это, услышав его следующие слова.

– А ведь можно было сделать всё по-другому.

Мажор подходит вплотную, плевать он хотел на понятие личного пространства и личные границы, крылья носа раздуваются, губы поджаты, кожа натягивается на острых скулах. Он что, злится?!

Машинально отступаю назад, неловко качаясь на пятках и чуть не падая, но Халид ловит меня за запястья, не давая опрокинуться назад, и крепко прижимает к себе. Ощущение, будто я ударилась о камень. Мирзоев жесткий, как неживой, пугающе холодный. И вся его агрессия направлена на меня. Слова больше похожи на змеиное шипение, чем на речь человека.

– Ты его возьмешь, иначе пожалеешь.

– Что? – дернувшись, пытаюсь освободиться, но тщетно. Хватка слишком сильная. Железная просто. Настоящие кандалы!

– Надо было взять и не трепать мне нервы. Что ты тут устроила? Думала, я тебя уговаривать буду? Вечно от тебя одни проблемы, закидоны какие-то тупые.

– Я не возьму! Мне не нужны твои подачки богатенького мажора!

– Ты возьмешь, иначе завтра же проснешься с новым статусом.

– Да отпусти же! На нас смотрят! – резко наступив ему на ногу и испортив белоснежный кроссовок, в ужасе отпрыгиваю в сторону. Хочется сбежать, сердце колотится так быстро, что, боюсь, не выдержит и остановится. Но стою

на месте, жду приговора, который уже читаю в наглых и прожигающих насквозь глазах мажора.

– Если будешь и дальше строить из себя непонятно что, будут не только смотреть, но и говорить. Скажут, что ты отлично развлекла меня в ту ночь в пещере, – угрожает он.

– Что? Ты не посмеешь распространять такие слухи! Зачем тебе это?! – не веря в то, что он говорит, спрашиваю дрожащим голосом.

Мадина предупреждала меня о таких парнях, говорила, чтобы я ни за что не связывалась с мажорами, но разве я виновата в том, что он делает со мной сейчас? Я никак его не провоцировала! Он сам придумал проблему из воздуха, руководствуясь какими-то непонятными мне мотивами.

– Не посмею? – склоняет голову вниз, изучая испачканную мною обувь, движения его замедляются, становятся нарочито небрежными, будто он мало придает значения тому, что говорит, но на деле он скорее кобра перед броском.

– Я имела в виду, что тебе это не нужно, зачем? – пытаюсь донести свою мысль и смягчить тон, понимая, что своей дерзостью могла его взбесить. Еще и его щепетильность насчет вещей. Как бы он не заставил меня вытирать его обувь на глазах у всех. Неприятный холодок пробегает по всему телу от одной только мысли о подобном унижении.

– Затем, чтобы преподать тебе урок, – поднимает голову и говорит тихо. Даже прислушиваться приходится. – Не стоило так относиться к моим подаркам от сердца. Я просто компенсировал разбитый телефон, мне это ничего не стоило, а ты плюнула мне в лицо, огрызалась, а все думают, ты хорошая, прилежная девочка с отличными отметками. Подпортить тебе репутацию не повредит.

Сердце? Да какое у него сердце?!

– Для тебя это игра, да? – трясясь от негодования, зло выговариваю ему. – Хочешь показать, какой ты всесильный, думаешь, что имеешь право учить меня чему-то. Ты ошибаешься, Халид, со мной этот номер не пройдет. Давай, попробуй сказать кому-то о том, что я была с тобой в ту ночь. Будет твое слово против моего.

– Уверена, что действительно хочешь проверить, кого послушают?

– Меня это не волнует! – отчаянно вру, надеясь, что он не раскусит мою ложь.

– Отлично, не говори потом, что не предупреждал, – разворачивается он и удаляется, а до меня наконец доходит, чем мне грозят его слова.

«Девочка-отличница, которую ставят всем в пример, развлекала Мирзоева в пещерах», – звучат насмешливые голоса в моей голове.

Черт, даже Мадины нет, чтобы дать совет! Почему подруга уехала на родину именно сейчас?! Что мне делать?! Я же не могу позволить Мирзоеву распространять эти грязные слухи обо мне! И телефон взять не могу! Кем я после этого буду? Мама всегда учила меня не брать того, чего не заработала, а такой дорогой телефон я точно не заработала. Да, мой телефон разбился по вине Халида, но он ведь не стоил сотку!

– Гадкий, гадкий мажор! – рычу я, кидаясь ему вслед и расталкивая толпу, что, как назло, собралась в коридоре. – Стой! – наконец увидев темноволосую макушку, кричу я, догоняя этого верзилу. – Не говори ничего, я согласна взять твой телефон! – преграждаю я ему путь.

– Делаешь мне одолжение? – приподнимает он высокомерно бровь, ужасно раздражая меня этим.

– Нет, – не зная, что сказать, но понимая, что мне не понравится то, что он произнесет дальше, лепечу я. – Что ты хочешь, в конце концов?! – не выдерживаю напряжения. – То бери, то не бери, определись для начала и…

– Держи, – протягивает телефон, не дав мне договорить. – Симку твою я, кстати, восстановил, так что можешь пользоваться, а не будешь, я узнаю, и тогда…

– Может, хватит уже угроз?! – выхватываю у него коробку. – Чертов шантажист! – рычу и разворачиваюсь на пятках, идя в нужную аудиторию и надеясь, что он и вторую пару прогуляет.

***

– Ого, новый телефон? – замечает Рида во время обеда. Они с мужем, как всегда, потащили меня в кафетерий через дорогу, не обратив внимания на мои возражения.

– Мирзоев купил взамен того, что разбил, – пряча взгляд, бормочу я.

– Вот и правильно, раз разбил, пусть компенсирует, – говорит Андрей, уплетая свой бургер, пока я копаюсь в салате.

– Он слишком дорогой, дороже, чем мой, я не хотела брать… – зачем-то начинаю я оправдываться.

– Что за глупости? Для него это копейки, еще бы он купил тебе дешевый! – восклицает Рида, но, поняв, что сказала, тут же покрывается краской стыда. – Я не имела в виду, что…

– Всё в порядке, Рид, я знаю, сколько стоил мой телефон, – успокаиваю я ее, зная, что она не имела в виду ничего плохого. – Для вас, ребята, такие траты, может, и в порядке вещей, но для меня это слишком. Как можно разбрасываться такими деньгами?

– Хмм… – задумывается Андрей. – Вот скажи: если кто-то попросит тебя о десяти рублях, тебе трудно будет дать их? Ты будешь мучиться из-за того, что осталась без них, отдав их тому, кто нуждался в тот момент?

– Нет, конечно, это же мелочь, на них даже жвачку не купишь! – удивляюсь я, не понимая, к чему он клонит.

– Для нас сто тысяч, как бы ужасно это ни звучало, соизмеримо тем десяти рублям, которые для тебя являются мелочью. И тот счет, за который ты каждый день так переживаешь…

– Андрей! – осекает Рида мужа, но тот продолжает:

– …ничего для нас не стоит, в отличие от тебя, которая работает несколько часов, чтобы заработать ту же сумму. Пора уже привыкнуть к этому и относиться проще, Ник. Если кто-то, у кого есть такая возможность, хочет угостить тебя

обедом или сделать подарок, просто позволь ему это, не воспринимая как личное оскорбление.

– Не так-то просто чувствовать себя попрошайкой, – вздыхаю я.

– Ты разве что-то просишь? – не сдается Андрей. – Знаешь, я тебя понимаю, нелегко принимать деньги, когда привык в них нуждаться и выгрызать каждую копейку.

– Блин, ребята, я чувствую себя неблагодарной тварью, – стону я, сгорая со стыда. Они ведь от всего сердца, а я…

– Тогда ешь свой салат и забудь о чертовых деньгах!

Кивнув, я беру коробочку, что принес официант, и с благодарностью улыбаюсь Риде. Она всегда покупает моему брату его любимое пирожное, никогда не забывает порадовать его.

Глава 6

Ника

– Повезло тебе все-таки с мужем, – говорю я тем же вечером, когда друзья, уговорив меня на прогулку, везут в парк аттракционов.

Вообще-то, идти я не хотела, но мама сказала, что я заслужила отдых.

– А как же? – улыбается подруга, ища взглядом мужа, который ушел покупать билеты.

– Еще повезло, что он перепутал вас с Мадиной, – не могу не поддеть ее, припомнив историю их случайной женитьбы, когда Андрей вместо одной сестры «похитил» другую. (Книга про Андрея и Риду – «Случайная жена мажора»)

– Не напоминай мне об этом! До сих пор вспоминать жутко! Я тогда считала себя самой несчастной девушкой на свете, – смеется она.

– Я рада, что для вас всё закончилось хорошо и вы смогли влюбиться друг в друга, – улыбаюсь я ей. – Хотя мне и не хватает тебя, – журю я ее, ведь с замужеством Андрей полностью завладел ее временем.

– Поэтому ты заменила меня Мадиной? – шутит она.

– Да ну тебя! – шлепаю ее по руке, смеясь. – Тебя никто не заменит, и ты прекрасно это знаешь!

– Ну ладно, поверю на слово, – обнимает она меня. Рида прекрасно знает, что значит для меня. Мы ведь с детства вместе. Именно благодаря ей и ее мужу меня взяли в такой престижный университет, выделив бюджетное место, которое сама бы я в жизни не смогла получить. – Ты ведь не обиделась на Андрея? – вдруг спрашивает она с беспокойством.

– Да нет, конечно, я же прекрасно понимаю, что он с добрыми намерениями. Просто надоело, что все только и делают, что…

– Заботятся о тебе? – заканчивает она за меня. – Разве ты сама поступаешь по-другому? Почему же, когда речь идет о тебе, ты становишься такой невыносимой?

– Я не трачу на вас огромные деньги, считая это мелочью, – насупившись, отвечаю ей. Что она, что Мадина вечно таскают меня по дорогим заведениям, оплачивая счет. Разве могу я чувствовать себя комфортно, когда окружающие меня люди считают деньги, ради которых я кручусь словно белка в колесе, ничем?

– А вот и билеты! Ты точно хочешь туда? – спрашивает Андрей, смотря на огромное колесо обозрения, на которое я попросилась. – Там одни дети и старики.

– Не всем же быть экстремалами, – улыбаюсь я, беря билет и мороженое, которое просила не покупать. Какой же все-таки заботливый муж достался моей

подруге. – К тому же меня некому обнять и успокоить.

– Туше! – улыбается Андрей, таща свою жену на самый страшный аттракцион, который я обхожу со страхом. Нет уж, не готова я рисковать здоровьем ради сомнительного удовольствия. Мне и колеса обозрения хватит.

Правда, уже сев в кабинку, я очень сильно жалею, что вообще пришла в этот парк.

– Надо же, какая встреча, – словно из воздуха появляется Мирзоев, я тут же пытаюсь вылезть наружу, но, пока я в шоке смотрю на него, земля уже начинает отдаляться от нас.

– Что ты тут делаешь?! – возмущаюсь я.

– То же, что и все: гуляю. Увидел тебя и решил поздороваться, – вальяжно разваливается он на сиденье.

– Уже виделись и здоровались! Что тебе от меня нужно? – прямо спрашиваю я, не веря в эти случайные встречи.

– От тебя? А что ты можешь дать? – окидывает он меня взглядом. – Сомневаюсь, что ты можешь чем-то меня заинтересовать.

– Тогда обходи меня стороной! Чего прицепился?! – возмущаюсь, прекрасно зная, что он лукавит. Его взгляд говорит красноречивее всяких слов.

– А ты точно этого хочешь? Мы могли бы весело провести время, Губастая… – вдруг встав, прет он на меня, если такое возможно в таком замкнутом пространстве.

– Проводи время со своими девками! – пытаюсь я увернуться, но твердые руки уже хватают меня, прижав к сиденью.

– Тебе разве не говорили, что на такой высоте нужно быть аккуратной? – выдыхает он мне в ухо, заставляя задрожать.

Что он творит, черт возьми?!

– Отпусти! Ты что, псих?! – дергаюсь, но гад лишь хрипло смеется, заправляя прядь моих растрепавшихся из хвоста светлых волос за ухо.

– Глядя на тебя, хочется чего угодно, но уж точно не отпустить… – двигается ближе, раздвигая мне ноги и удобнее устраиваясь между ними. Слава богу, на мне джинсы, а не платье!

Дернуться не могу, иначе мы свалимся вниз и разобьемся! Чуть пытаюсь увернуться, как железная кабинка шатается, рискуя перевернуться и вывалить нас на землю! А Халиду хоть бы хны, он просто продолжает вжиматься в меня, напирая как бульдозер.

Неужели ему не страшно?! У меня внутри несется адреналин, разгоняя кровь по венам бешеным потоком и заставляя сердце колотиться в груди вдвое быстрее обычного.

– Что ты хочешь? – истерично визжу, хватаясь за его толстовку, чтобы иметь хотя бы какую-то опору, так бы я ни за что в жизни не притронулась к мерзкому мажору. – Угробить нас?

– Не ссы, Губастая, никуда мы не свалимся, – пугает меня своей наглой улыбкой, – я не дам тебе упасть.

– Зачем ты забрался сюда? Кто тебя звал?! Уходи!

– Я как бы не могу, – ухмыляется, начиная лапать меня за талию, и приходится терпеть из страха упасть. Колесо медленно крутится, поднимая нас до самого верха, вид вокруг превращается для меня в смазанное пятно, я вижу лишь неясные силуэты и перед собой – глаза Халида, которые не позволяют мне отвернуться. Он будто гипнотизирует меня, черт его дери.

– Сядь на сиденье, ну пожалуйста, – ненавидя себя за слабость и дрожащий голос, прошу, – мне страшно.

– Боишься за свою жизнь или меня? – спрашивает, скользя ладонями вверх. Еще чуть-чуть, и он коснется моей груди.

– Убери руки, – шиплю, страх превращается в дикую злость.

Может, он наслаждается страхом и испытывает удовольствие, видя его?

Тогда нужно оказать ему ярое сопротивление?

Я не знаю, как на него повлиять, поэтому пробую всё подряд.

– Тебе же нравится, – вдруг заявляет он, не переставая трогать меня.

– Нет! – пытаюсь сдвинуть его руки. – Что ты несешь?!

– Я вижу, когда девка готова прыгнуть ко мне в постель, – продолжает давить силой и своей самоуверенностью, – и предпочитаю быстро переходить к главному.

– Ты меня с кем-то перепутал, Халид! – впиваюсь ногтями в его кожу, но он даже не дергается, так и держит свои руки прямо на моей груди, заявляет права. Я готова убить его прямо здесь, и сделала бы это, если бы не чертово колесо, зависшее на огромной высоте.

– Я вижу вас всех насквозь, – медленно тянет он, явно наслаждаясь ситуацией, пальцы сжимаются сильнее, он не прекращает висеть надо мной, губы в миллиметре от моих, уже не вижу его глаз, только чувствую горячее дыхание, овевающее кожу. – Твои губы…

– Что… – теряюсь, приоткрывая рот, всё тело стягивает напряжением.

Губы? Почему он говорит о моих губах?

Нет-нет-нет, неужели Мирзоев хочет воспользоваться ситуацией и поцеловать меня?

– Ты их облизываешь, я уловил сигнал, – шепчет прямо в губы, скользя руками мне под спину и приподнимая меня к себе, мы практически в шаге от поцелуя, и я не понимаю, почему не сопротивляюсь, ведь я не хочу этого поцелуя, мне ненавистен этот грубый парень, который точно считает меня дешевкой и принимает за кого-то другого, с кем он привык иметь дело.

– Ты… – на выдохе говорю я, стараясь дать ему понять, чтобы отстал, но не успеваю, он просовывает язык мне между губ, начиная жадное вторжение.

Меня будто кипятком ошпаривает, по телу враз бегут горячие волны, я не успеваю опомниться, как Мирзоев уже терзает мои губы, вовлекая в первый в моей жизни поцелуй. Ничего не понимаю. Слишком много эмоций. Страх за свою безопасность перетек в страх своих же чувств. Незнакомый парень, который меня ужасно бесит, залез ко мне в кабинку, спеленал своими руками и насильно поцеловал! Это не укладывается в голове!

Я же сопротивлялась, я и сейчас отталкиваю его изо всех сил, но он так крепко меня держит, что невозможно ускользнуть. Его рот слишком напористый, язык развязно гуляет по моему рту, а я теряю малейший контроль над ситуацией.

– Так-то лучше, – самоуверенно заявляет Мирзоев, наконец отпустив меня и садясь рядом, и, чтобы я не отодвинулась, опускает железную перекладину перед нами. Вцепляюсь в нее трясущимися руками. Колесо продолжает движение. У меня перед глазами тоже всё крутится, потрясение настолько сильное, что не могу дышать, говорить, думать, просто не в себе. Что это было?! Как я это позволила?!

Мирзоев кладет руку мне на плечо и прижимает меня к себе.

– Так мы договорились?

– О чем? – шепчу, глядя перед собой в пространство слепым взглядом.

Какой же я смелой была в своем воображении, резко давала ему отпор и всегда была на коне, оставляла за собой последнее слово, а в реальности оказалась безвольной тряпкой. Никогда себе этого не прощу! А Мирзоеву еще покажу, что бывает с теми, кто лапает и целует девушек без их на то согласия!

– Встречаться будем, что же еще? Иначе зачем я притащился в эту дыру.

Его слова и самоуверенный тон злят настолько, что я вмиг забываю все ругательства. Хочется проучить гада, а сделать это я смогу, лишь успокоившись.

– Конечно, – мило улыбаюсь, впиваясь ногтями в ладони. Так и хочется закричать о том, какой же он гадкий! Но не-е-ет, не так всё просто, я не спущу Мирзоеву такого оскорбления! Как он только посмел так вести себя?! Разве я давала ему повод считать себя дешевой девкой?

– Рад, что ты всё поняла. Я могу быть очень щедрым, если меня не злить, – кивает этот самоуверенный болван.

– Только мне уже пора, давай позже договоримся о встрече? – вижу, что земля близко, и, убрав страховку, быстро вскакиваю на ноги.

– Хорошо, – на удивление смиренно кивает мажор, видимо, настолько поверил в себя, что расслабился.

– Отлично, напиши, когда определишься со временем и местом встречи, – прошу его, уже придумав план действий.

***

– С чего это Мирзоев вдруг заинтересовался мной? – недоверчиво спрашивает девушка номер семь. – Еще пару дней назад, когда я попыталась подсесть к нему, он меня грубо отшил, – надувает эта силиконовая Барби губки. О господи, я скоро свихнусь! Это наказание для Мирзоева или для меня? Я пожалела о своей затее уже на четвертой девушке, ведь те, кого я выбрала для своей мести мажору, были просто невыносимыми фитоняшками, не видящими ничего кроме своей персоны.

– Он передумал и хочет загладить свою вину, – безбожно лгу я, но эта самоуверенная дурочка, как и шесть других до нее, с легкостью покупается на это. Конечно, они ведь такие неотразимые, чтобы мажор на них не клюнул.

– Приходи, пожалуйста, вовремя, тебя ждет незабываемый сюрприз, – диктую ей адрес ресторана при отеле и время, а потом бегу к следующей жертве. Если вначале я и чувствовала некую вину за то, что подставляю девушек, это чувство после общения с этими особами быстро испарилось. Таких надменных богатеньких выскочек просто необходимо проучить, как и мажора, возомнившего себя невесть кем. Пусть знает, что не все девушки продажные и не всех можно купить за деньги.

Глава 7

Ника

О своем безумном плане проучить мажора не говорю даже Риде, зная, что подруга не оценит, ведь моя милая Рида скажет, что лучше держаться подальше от плохого мальчика, а не провоцировать его. Только вот мне совсем не улыбается роль забитой девчонки. Я не собираюсь давать зарвавшемуся мальчику преимущество перед собой и позволять делать что ему вздумается. Жизнь и так каждый день бьет меня наотмашь, подкидывая одну трудность за другой, и я не позволю Мирзоеву стать очередным препятствием на своем пути.

– Ты куда? – вырывает меня из собственных мыслей голос брата.

– Есть одно дело, – улыбаюсь я ему.

– Какое? У тебя же выходной, – хмурится он.

– После которого я куплю тебе мороженое, – зная, как отвлечь его от деталей, говорю я, потом встаю и, забросив рюкзак за плечо, целую его в макушку. – Меня не будет часа полтора, посмотри пока мультики, хорошо? – киваю на наш старенький телевизор с DVD. – Мама будет через полчаса.

– Я взрослый, чего волнуешься? – говорит он, насупившись, но я лишь улыбаюсь и лохмачу ему волосы.

– Конечно взрослый, мамы нет, вот я и волнуюсь, – если бы мне не надо было добираться на метро до места встречи, обязательно дождалась бы маму, но я слишком боялась опоздать на устроенное мною представление. Еще я успокаивала себя тем, что у Сашки есть кнопочный телефон, и он в любой момент может позвонить мне или маме, которая подрабатывала тем, что мыла подъезды в соседнем доме. Как бы я ни пыталась отговорить ее от такой работы, это было единственное, что она могла себе позволить, говоря, что нам важна любая копейка, да и несложно ей вечером вымыть несколько подъездов, мол, это держит ее в форме.

– Иди и не забудь про мороженое, – развернув свое кресло, поехал брат в сторону телевизора, а я, быстро обувшись в кеды, выскочила за дверь, спеша успеть увидеть, как Мирзоев разбирается с пятнадцатью девушками, которых «позвал» на свидание.

Внутри всё еще продолжает сидеть чувство вины перед братом за то, что оставила его дома одного. Хоть и знаю, что с ним ничего не случится и мама практически рядом, не могу не корить себя. Я должна была остаться с ним. Вообще больше времени проводить с братом, помогать маме, чаще сидеть дома.

Если избавлюсь от приставаний гадкого мажора, именно так и будет.

Я обязана раз и навсегда разобраться с ним и показать, что его ухаживания меня не вставляют. Пусть общается и встречается с девушками своего круга, а мне будет гораздо спокойнее жить, не ожидая от него подвоха вроде того на колесе обозрения.

Вообще не хочу видеть его на горизонте.

И чего прицепился? Увидел легкую цель? Так вон он ошибается, и я это докажу!

Выбранный Мирзоевым ресторан при отеле с нишами идеально подходил для моего представления, там можно было спрятаться и сквозь прорези в узорных стенах наблюдать, оставаясь незамеченной.

Я пришла заранее и села в одну из них, самую дальнюю от входа, заказала самое дешевое, что было в этом ресторане, что, увы, сильно опустошило мой кошелек, и приготовилась ждать.

Стайка девушек зашла в дверь, потом еще одна. Они все, как по команде, хватались за телефоны и смотрели на время. Смешные. Расфуфыренные такие все. Оделись как на кастинг в какое-то шоу. Надели всё лучшее сразу, как говорится. Сидят за столиками по одной, прихорашиваются, делают селфи, крутят головами. Куклы, блин.

Со временем начинают что-то подозревать, ведь это странно, когда столько красивых девушек, а именно пятнадцать, оказываются в одном месте. Им даже мест не хватает, а официанты злятся, что они просто сидят, а не делают заказ.

Конечно! Ведь они рассчитывают, что платить будет богатый чувак с золотой безлимитной картой. А вот и он. Съеживаюсь, вжимаюсь в деревянную перегородку, чтобы стать незаметной, но мне можно не переживать.

Стоит Мирзоеву вальяжно зайти в ресторан, как девчонки, слетев со своих стульев, которые уже отполировали упругими задницами, ерзая на них от нетерпения, подбегают к нему и начинают наперебой галдеть.

Спорят. Надо же. Каждая уверяет, что первая сюда пришла и поэтому имеет право на свидание. Боже мой, мои глаза просто скоро закатятся за глазницы и не вернутся обратно. Какие же они дуры, никогда не стану такой! Из-за парня так позориться.

Но мне крайне интересно, что же сделает Мирзоев.

Поглядываю на него из своего укрытия, понимая, что он вряд ли меня заметит.

Но всё равно стремно, вдруг он догадается, что я не могла оставаться в неведении о том, чем закончится этот цирк, и наблюдаю где-то тут.

– Простите, но у вас какое-то собрание? – слышу голос официанта, который не выдержал и подошел к Мирзоеву, чтобы разобраться с тем, что тут происходит.

– Да, кастинг, вы против?

В удивлении вжимаю голову в плечи. Надменный и самодовольный голос Мирзоева заставляет растерянно захлопать глазами. Он спокоен, не психует,

ведет себя как ни в чем не бывало. Неужели не шокирован? Для него в порядке вещей видеть такое внимание со стороны девушек?!

Вот честно, этот парень доведет меня до ручки. Я его совсем не понимаю. Надеялась, что он взбесится, уйдет и хлопнет дверью, а он тут милуется с этими влюбленными курицами!

– Жаль, розу не прихватил, – расплывается он в улыбке.

Только на улыбку это мало похоже. Скорее, на оскал акулы, которая заприметила жертву, почуяв кровь на расстоянии. Черт-черт-черт, он точно догадается, что я тут.

Как же слинять? Он посадил девчонок за несколько сдвинутых столов, им принесли напитки, угощения, все галдят, шумят, я вообще ничего не слышу.

Только вижу, как Мирзоев, развалившись на стуле, коротко и редко отвечает на вопросы этих дур. Они что, реально поверили, что это кастинг? Да на какую роль? На роль его девушки, что ли?

А он вроде как наслаждается вниманием, отвечает на вопросы девушек, кивает им, снова подзывает официанта, чтобы пополнить запасы еды и напитков.

Небрежным жестом прикладывает карту к считывателю.

Хотела ему жизнь испортить и проучить, а на деле что? Удовольствие доставила?

Вот же дура! Разве можно насолить тем, что подала ему, считай на блюдечке, таких красоток? Умом они, конечно, не блещут, но разве мажора это волнует? Все мужчины на одно лицо, им лишь бы обертка, а что внутри, совершенно не интересно. Ничего удивительного нет в том, что Мирзоев кайфует, находясь среди такого количества женщин. Прям холостяк во плоти, блин!

Решив, что его внимание сосредоточено на девушках, я накидываю капюшон от толстовки на голову и двигаюсь к выходу, радуясь, что мажор сидит к нему спиной.

– Только время зря потеряла! – зло ругаюсь себе под нос, топая к метро. – Еще и потратилась, дурында!

– Вот-вот, – заставляет меня подскочить насмешливый голос. – Не стоит подкладывать свинью другим, Губастая, самой аукнется.

– Ах ты… – оборачиваюсь я, поняв, что он все-таки заметил меня и пошел следом. Неужто бросил свой гарем?

– И даже больше, – ухмыляется он. – Так что не трать силы на оскорбления. Хотела меня проучить, значит? Мала ты еще, Губастая, зубки не отросли, чтобы переиграть меня.

– Хотела, чтобы ты отстал! Вон сколько девушек тебе на выбор пригнала, бери не хочу, – кривлюсь я.

– А я тебя хочу, – нахально заявляет он, делая шаг вперед. Мы находимся на тропинке для пешеходов, и рядом, как назло, нет ни единой души. Куда только все люди запропастились?!

– Хотеть не вредно, – отступаю я, пока не врезаюсь спиной в столб. – Как захотел, так и расхочешь. Вон дамы сердца ждут тебя. Иди к ним.

– Я не привык заменять то, что действительно хочу, – не слышит меня Мирзоев.

– Всё бывает в первый раз.

– Прямо как наш поцелуй? – нагло спрашивает он, заставляя меня покраснеть. Поднимает руку и дотрагивается пальцем до моей пухлой нижней губы.

Вот зачем природа наградила меня ими?! Столько девушек мечтают о пухлых губах, а достались они зачем-то мне! Очередная проблема в виде Мирзоева теперь нарисовалась из-за моих проклятых губ!

– Убери руку! – скидываю я его прикосновение, продолжающее жечь меня. С трудом удерживаюсь от того, чтобы облизнуть губы, помня о его словах. Примет еще мою дурацкую привычку за приглашение. – Я не ищу ни парня, ни спонсора,

и что бы ты там себе ни надумал – забудь. Ты меня разозлил, я ответила, конец игре.

– Игра даже не начиналась, Губастая. Да и потом, я вовсе не зол. Скорее, заинтригован. Не каждая девушка отдаст свой шанс сходить со мной на свидание другой… Вернее, другим девушкам.

– Ну и самомнение, – качаю головой, не веря в услышанное. Вот как можно быть таким?! Пуп земли, блин!

– Просто уверенность, Губастая.

– Хватит меня так называть! – возмущаюсь я.

– Сахарные губки? – усмехается он, явно забавляясь. – Или, может, медовые?

Даже не замечаю, как он приближается, овевая приятным дыханием мое лицо.

– Ведь они действительно медовые…

И целует. Я даже сама не понимаю как! Вот он стоит, разговаривает, смотрит на мои губы – и бац! В следующую секунду этот бесстыжий накрывает мой рот своим, втягивая в безумный поцелуй, который уносит мне голову.

У гада точно богатый опыт, ибо то, что он творит своими губами, заставляет плавиться в его руках. Мирзоев прижимает меня к столбу, обхватив за плечо одной рукой, а вторую каким-то невообразимым образом умудряется запустить мне в собранные на макушке волосы. Язык проникает в мой рот, проходится по деснам и затевает свою игру с моим языком.

Мне стоит огромных сил взять себя в руки и вытолкнуть наглый язык из своего рта наружу. Нахал! Пихаю мажора вытянутыми руками, увеличивая между нами расстояние, и вытираю рот намеренно показным жестом.

– Отстань от меня, сказала же! – цежу сквозь плотно стиснутые губы, на которые он не перестает смотреть, будто еще находясь во власти нашего поцелуя. Я и сама в каком-то тумане, но злость, поднявшая внутри бурю, заставляет его

раствориться.

Я не могу поддаваться на грязные игры мажора. Не имею права.

Это не мое, у меня другая жизнь, другие планы, его внимание мне только досаждает, и мне нужно лишь одно – чтобы он поскорее от меня отвязался.

– А если я не хочу? – заявляет нагло, развязно, в его голосе бескомпромиссность, присущая людям его круга. Конечно, как я смею отказываться от его предложения?

– Найди себе другую игрушку, их же вагон и маленькая тележка! – всплеснув руками, закатываю глаза. – Мне некогда, понимаешь? Нет времени с тобой возиться. У меня много дел, мне вообще пора…

Разворачиваюсь и собираюсь юркнуть в метро, ужаснувшись, сколько уже времени. Черт, еще же надо мороженое брату купить. Я обещала.

– Куда ты спешишь? Давай подвезу, – меняет тон, разделяя мою нервозность.

– На машине? Нет, ты что? В пробке чтобы застрять? Только время потеряю. Мне на метро ехать три остановки, будет быстрее.

Снова пытаюсь избавиться от Мирзоева, шагаю вперед, делая широкие размашистые шаги. Мадина часто ругала меня за это, говоря, что девушка не должна так ходить, она должна плыть как лебедь, манящей походкой. Но это не про меня. Я всегда спешу, вот и сейчас пытаюсь преодолеть короткое расстояние за максимально быстрое время.

– Тогда я тебя провожу, – слышу рядом голос мажора, заводясь с пол-оборота.

Да что он о себе возомнил? Чего прицепился и решает за меня?

– А если я не хочу? Мне не нужно сопровождение, – кидаю быстро фразу, снова смотря вперед, но он продолжает идти нога в ногу.

– А тебя не спрашивают.

– Вот так ты собрал кучу своих поклонниц? Навязывался им? – желаю его поддеть, на что он лишь приподнимает бровь.

Приходится пояснить:

– Ну, ты же как-то приобрел популярность. Первых девушек затерроризировал вниманием, а потом и другие подтянулись.

– Интересная версия, – дарит мне усмешку и ныряет вместе со мной в метро.

Выглядит так, будто никогда здесь не был, что вполне может оказаться правдой.

– Что? Непривычно? – спрашиваю с насмешкой.

– Давай шагай, а то сшибут, – командует мажор и идет следом, легко лавируя в толпе и помогая и мне идти безопасным путем.

– Еще есть возможность вернуться обратно, тебе не надо ехать со мной и провожать, – делаю попытку от него избавиться, но он не обращает на меня внимания. Осматривается по сторонам. Видимо, не так-то просто богатенькому мажору разобраться в новой обстановке.

– На машине было бы проще, – снова делаю выпад, вызывая его злость.

– Хватит, Губастая, мы можем провести это время с большей пользой.

– Конечно, – спускаюсь с эскалатора и встаю дожидаться вагона метро, – по отдельности.

Усмехаюсь, уверенная, что успею уехать, прежде чем он разберется с билетом, но этот нахал сует какому-то прохожему крупную купюру, прося его пропуск, и с легкостью догоняет меня!

– Я понял, что тебе мое общество неприятно, – встает рядом и смотрит свысока, убрав руки в карманы.

Неужели в его глазах мелькает обида? Да нет, показалось. Не может такой, как Мирзоев, обижаться на то, что какая-то девчонка не хочет проводить с ним время.

Кто я и кто он? Может, я его своим отказом и завожу? Прям как в тех дурацких американских фильмах, которые так любит Мадина.

– Послушай, Мирзоев… – начинаю я, когда мы шагаем в заполненный вагон метро.

– У меня есть имя, Губастая, – оттесняет он меня к поручням и прижимает спиной к стеклу двери, несмотря на возмущения тех, кого он в процессе толкает.

– Как и у меня, но сейчас не об этом, – начинаю пыхтеть я, недовольная его близостью. Ну что за пиявка?!

– А о чем? – приподнимает он бровь, а руками обхватывает меня за спину, прижимая к своему торсу.

– Пусти! Что за привычка распускать руки?! – тут же возмущаюсь я, упираясь в него руками.

– Тише, тут написано не прислоняться к двери, я тебя страхую, – заявляет гад-прилипала.

– Так ты сам и прижал меня к ней! – замечаю я, не веря, что всё это происходит со мной.

Вот как с ним по-хорошему? Он же выводит враз своим поведением!

– Ты хотела поговорить, – напоминает он.

– Послушай, Мирзоев, не знаю, что тебе от меня надо, но мне это не нужно. И я говорю это не для того, чтобы разогреть твой интерес. Найди себе другой объект преследования. Меня не интересует твой формат отношений, да и любой другой тоже. Некогда мне, понимаешь? – пытаюсь донести до него свои мысли, но мажор, судя по его плотоядному взгляду, и не думает меня слушать.

– И какой же у меня формат? – приподнимает он свою и так изогнутую бровь, отчего я невольно начинаю любоваться его идеальным лицом. Этого парня словно отфотошопили в программе, настолько он совершенный.

– Известно какой, – фыркаю я. Знаю я этих кавказцев, Мирзоев ничем от них не отличается. Спят с нашими, а женятся на своих. Мирзоев же, судя по сплетням, вообще заводит себе девочку для постели.

– Ты уж поделись, – не отступает он.

– Моя станция! – поняв, что чуть не проехали, толкаю я его в попытке пробраться к выходу.

– Черт! – следует Халид за мной.

– Всё, езжай обратно! – требую я, поворачиваясь к нему, когда замечаю, что он следует за мной к эскалатору.

– Поеду, – кивает он. – После того как провожу тебя и ты объяснишь мне, что имела в виду.

– Господи, какой же ты упертый! – понимая, что он не отстанет, стону я. – Что тут непонятного?! Я не девочка для развлечений! Мне неинтересен ни ты, ни твои деньги! Ясно?

– Предельно, – кивает он. – Только вот странно, что девушке, которая так стремится заработать, неинтересны мои деньги, – явно задетый моими словами, напирает он, идя вслед за мной к выходу из метро.

– Да, я стремлюсь заработать, но своим трудом, а не благодаря спонсорам! – объясняю. Меня возмущают его слова. – Может, тебе и сложно поверить в это, но не все мечтают о красивой жизни за чужой счет, Мирзоев. Не иди за мной! – останавливаюсь на ступенях перехода. – Шутки кончились, Халид, я…

И снова поцелуй! На глазах у прохожих наглый гад просто берет и запечатывает мне рот! Я даже пискнуть не успеваю, настолько шокирована его действиями. Вот как можно быть таким?!

– Всё только начинается, Губастая, – слизывая вкус моих губ, хрипит он. – Сегодня я, может, и отступлю, но не думай, что на этом всё, – пронзает меня взглядом и идет обратно вниз, скрываясь в подземке. И что мне делать с этим не понимающим человеческих слов мажором?

Глава 8

Ника

Пока иду домой через магазин, чтобы купить любимое мороженое брату, в голове теснятся мысли о Мирзоеве. Как же заставить его от меня отстать? Такое ощущение, что я своим поведением только раззадориваю его, вместо того чтобы оттолкнуть. Вот что за удовольствие преследовать девчонку, которая открыто отшивает и всячески показывает, что не терпит твоего общества?

Ни за что не поверю, что понравилась ему по-настоящему. Скорее, он с кем-то на меня поспорил или просто любит добиваться своих целей. Я для него этакий крепкий орешек, который он во что бы то ни стало вознамерился расколоть. Но я не поддамся, пусть оттачивает мастерство пикапа на ком-то другом. Еще бы перестать думать об его мятном дыхании и красивых полных губах, которые так сладко ощущать во время поцелуя…

Как говорят, бойся своих желаний. Напрочь забываю о Мирзоеве, едва вхожу в квартиру. Застаю в комнате заплаканную маму, врачей скорой помощи и бледного брата на диване. Он такой беспомощный и слабый, что у меня чуть не останавливается сердце. Мороженое выпадает из рук, но я не обращаю внимания и кидаюсь к родным.

– Что случилось?!

– Саше стало хуже, – рыдает мама.

Врач укоризненно на нее смотрит, порой мне приходится становиться взрослой и приводить ее в чувство.

– Мама, ты пугаешь Сашу, всё хорошо же, да? – с намеком смотрю на доктора, а он, вздохнув, принимает правила игры.

– Конечно. Мы вовремя приехали, вы всё сделали правильно, – находит нужные слова, чтобы успокоить маму и снять с нее чувство вины, которое так четко отражается на лице.

Плакать она перестает и внимательно слушает мужчину, который говорит, что, хоть всё и в порядке сейчас, но нужно подумать о дальнейшем лечении. Сталкиваемся с мамой взглядами. Информация не новая. Все врачи говорят одно и то же. Можно кратковременно лежать в больнице, но лучше сделать операцию и вылечить брата. Но лечение и реабилитация влетят в копеечку, а у нас нет таких денег.

Почему-то в этот совсем неподходящий момент думаю о Халиде. Мозг совершенно естественно связывает отсутствие денег у нас с его благосостоянием. Что для меня недостижимо, для него – обыденность. Деньги для него просто фантики, ничего не значащий мусор, которым он готов сыпать без разбора.

Как же несправедливо! Слезы готовы пролиться, но я держусь. Ради мамы. Ради брата.

– Сашок, ну ты чего тут? – сажусь возле него, беря за маленькую ручку, такую тонкую, что она похожа на сухую веточку дерева.

– А ты мороженое принесла? – с трогательной улыбкой спрашивает, поглядывая на доктора – разрешит или нет.

Тот кивает.

– Принесла. У тебя нет температуры, поэтому можно, но маленькими ложечками, – предупреждаю его и иду на кухню за тарелкой и ложкой.

Пьяный сосед крутится вокруг грязной плиты. Опять воняет куревом. Не знаю, что хуже: когда он демонстративно курит на кухне или когда дымит на балконе, а дым залетает к нам в комнату. Раньше мы жили в нормальной квартире, и я

даже не знала, что бывает так, когда рядом с тобой в одном помещении живут совершенно посторонние люди.

Избегая стычки с ним, вхожу в комнату, там уже только мама и Саша. Брат отвлекается мультфильмом, мама отрешенно смотрит в одну точку, сплетая и расплетая пальцы. Замечаю, что у нее появились седые волоски. Как так? Она же совсем молодая.

– Тут кое-что прописали, – подает она голос, забирая у меня тарелку с мороженым. – Сходишь в аптеку?

– Конечно, мам.

Уже там выгребаю последнюю мелочь. Лекарство оказалось очень дорогим. Скрепя сердце печатаю сообщение Риде, чтобы попросить денег в долг. Скоро придет стипендия и заплатят за смены в магазине. Подруга без вопросов шлет вдвое больше, чем я попросила.

С досадой смотрю на свой серебристый телефон, куда упало уведомление о приходе денег. Озираюсь. В нашем неблагополучном районе нужно прятать такую дорогую штуку, иначе стырят. Надо продать его в барахолку, пока не поцарапала, а себе купить дешевый. Не хочу я ходить с подарком от крутого мажора.

«Классное было свидание. Надо повторить», – вижу вдруг сообщение от него и от злости стискиваю серебристый корпус.

Ничего не отвечаю. Обойдется.

Ему развлечение, а мне – одно лишь мучение.

***

– Ну ты даешь! – слегка обалдеваю я, когда подруга сообщает мне по телефону, что до конца учебного года не вернется. – А как же зачеты?

– Папа договорился с кем надо, – отвечает Мадина. – Не хочу больше играть в игры Ратмира, исчезну из виду, и он отстанет, найдет себе новую игрушку, – вздыхает она, а я думаю, куда бы сбежать мне, чтобы Мирзоев, который с утра уже успел прислать пожелание с добрым утром, исчез.

Хорошо хоть смогу избежать его сегодня, так как, взяв смену в магазине, я не пошла на пары. Деньги мне сейчас важнее учебы.

– Надеюсь, ты всё же не задержишься, я по тебе соскучилась, – говорю я с сожалением, понимая, что мой пятнадцатиминутный перерыв закончен. Прощаюсь с подругой и возвращаюсь в торговый зал, вся в мыслях о будущем.

Вчерашняя ситуация ясно показала, что медлить больше нельзя. От обилия лекарств у Саши ослабевает иммунитет, из-за чего начинают учащаться эти чертовы приступы.

Нам срочно нужны деньги на операцию, а взять их можно только у одного человека, к которому я…

– Привет, Губастая, – отвлекает меня уже знакомый голос.

– Ты… – не нахожусь я сразу, что ответить, слишком обалдев оттого, что Мирзоев снова пришел ко мне в магазин. И если в прошлый раз он мог обосновать свой приход, то сейчас дело явно не в испорченной когда-то рубашке!

– Избегаешь меня? – приподнимает он бровь, нависая надо мной, пока я сжимаюсь под его темным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rebrova_mila/oderzhimost-mazhora

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити